

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-89-102
EDN: XVDOKC

**Циклообразующие мотивы в произведении
Н. Л. Ключаревой «Деревянное солнце»**

Наталья Владимировна Лукьянчикова^{1✉}, Наталья Витальевна Киселева²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль

²Кандидат культурологии, доцент кафедры общего образования ГАУ ДПО ЯО «Институт развития образования», г. Ярославль

¹lunavl@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

²scorti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-3859>

Аннотация. В статье представлена попытка рассмотреть произведение современной отечественной писательницы Н. Л. Ключаревой «Деревянное солнце» в аспекте циклизации. В созданном в нулевых годах XXI века и включающем в себя ряд небольших очерков произведении Н. Л. Ключаревой глубоко осмысляются реалии российской действительности. Анализируя мотивную структуру «Деревянного солнца» на основе классических и современных литературоведческих концепций, мы выделяем ряд циклообразующих мотивов, характеризующих такие ключевые для русского национального характера понятия, как Родина, дорога, дом, утрата, рассматриваем способы их реализации в текстах очерков, выявляем роль указанных мотивов в формировании авторской идеи, воссоздании целостной авторской картины мира. Полагаем, что система мотивов в «Деревянном солнце» Н. Л. Ключаревой является важным способом объединения очерков в цикл, выстраивания структурных связей и отношений внутри цикла, позволяя в то же время выявить значение и смысл каждого анализируемого очерка. Авторы статьи обращают внимание на художественное своеобразие произведений, составляющих цикл и создающих противоречивый образ современной России. Особый акцент авторы статьи делают на интертекстуальных связях произведений, включенных в цикл Н. Л. Ключаревой «Деревянное солнце». Анализ циклообразующих мотивов дает возможность выявить основные идеи произведения и сделать выводы о его художественном своеобразии. Авторы

© Лукьянчикова Н. В., Киселева Н. В., 2022

статьи полагают, что обращение Н. Л. Ключаревой в цикле «Деревянное солнце» к мотивам Родины, дороги, дома и др. свидетельствует о серьезном интересе современного прозаика к ценностям, традиционным для отечественной литературы.

Ключевые слова: Н. Л. Ключарева; цикл; циклизация; мотив; мотивная структура; очерк; интертекстуальные связи

Для цитирования: Лукьянчикова Н. В., Киселева Н. В. Циклообразующие мотивы в произведении Н. Ключаревой «Деревянное солнце» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 89-102. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-89-102>. <https://elibrary.ru/xvdokc>.

Original article

Cycle-forming motifs in N. L. Klyuchareva's work *The Wooden Sun*

Natalia V. Lukyanchikova^{1✉}, Natalia V. Kiseleva²

¹Candidate of philological sciences, associate professor of the Russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

²Candidate of culture studies, associate professor at the Department of general education, Institute for the development of education, Yaroslavl

¹lunavl@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

²scorti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-3859>

Abstract. The article attempts to consider the work of the contemporary Russian writer N. L. Klyuchareva *The Wooden Sun* in terms of cyclization. N. L. Kluchareva's work, consisting of a number of small essays, was written at the beginning of the XXI century and presents a deep understanding of Russian realities. Analyzing the motive structure of *The Wooden Sun* on the basis of classical and modern literary concepts, the authors single out a number of cycle-forming motives that characterize such key concepts for the Russian national character as Motherland, road, home, loss, consider the ways they are implemented in the texts of essays, identify the role of these motifs in shaping the author's idea and reconstructing the author's holistic picture of the world. The system of motifs in N. L. Klyuchareva's work is an important means of combining essays into a cycle, building structural connections and relationships within the cycle, allowing at the same time to identify the sense and meaning of each of the essays under analysis. The authors of the article pay attention to the artistic uniqueness of the works that make up the cycle and create a contradictory image of contemporary Russia. Special emphasis is placed on the intertextual connections of the works included in N. L. Klyuchareva's cycle "The Wooden Sun". The analysis of cycle-forming motifs makes it possible to identify the main ideas of the work and draw conclusions about its artistic

originality. The authors of the article believe that N. L. Klyuchareva's appeal to the motifs of Motherland, road, home, etc. indicates a serious interest of the modern prose writer to the values traditional for national literature.

Key words: N. L. Klyuchareva; cycle; cyclization; motif; motif structure; essay; intertextual connections

For citation: Lukyanchikova N. V., Kiseleva N. V. Cycle-forming motifs in N. Klyuchareva's work *The Wooden Sun. World of Russian-speaking countries.* 2022; 2(12):89-102. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-89-102>. <https://elibrary.ru/xvdokc>.

Цикл «Деревянное солнце» был написан Н. Л. Ключаревой в двухтысячные годы для газеты «Первое сентября». Миниатюры, посвященные русской провинции, дают возможность читателю не только понять, но и почувствовать, что такое Россия – с ее маленькими городками и полупустыми деревнями, лесами и болотами – и дорогами, похожими на болота, очень простыми «простыми людьми».

Творчество Н. Л. Ключаревой в последнее десятилетие становится объектом серьезного научного интереса филологов. Так диссертация О. М. Близняк посвящена характеристике мотивных комплексов, выделенных исследовательницей в произведениях современных писательниц, в частности – в повести Н. Ключаревой «Россия: общий вагон» [Близняк, 2011]. Сюжетно-композиционную структуру повести «Деревня дураков» анализирует в своей статье Н. Е. Лихина, исследуя принципы и приемы нарративной организации произведения [Лихина, 2019]. Ю. В. Клабукова рассматривает в исследовании мен-

тальные модели аутичности и коммуникативности, реализуемые в произведении Н. Л. Ключаревой, соотнося их с традиционным для русской культуры мотивом юродства [Клабукова, 2015]. Очевидно, что наиболее серьезным вниманием ученых пользуются повести «Деревня дураков» и «Россия: общий вагон».

На наш взгляд, одним из перспективных направлений исследования творчества Н. Л. Ключаревой (в частности, цикла «Деревянное солнце») является изучение мотивной структуры произведений, комплекса мотивов как циклообразующего фактора.

Понятие мотива широко используется в отечественном литературоведении с опорой на классические идеи академика А. Н. Веселовского (мотив – «простейшая повествовательная единица, образно ответившая на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский, 1989, с. 305]), О. М. Фрейденберг, Б. В. Томашевского (мотив – «тема неразложимой части произведения» [Томашев-

ский, 1996, с. 191]), Б. Н. Путилова («традиционное для эпоса содержательное поле, получившее свой закреплённый тип описания» [Путилов, 1975, с. 148]), Б. М. Гаспарова и др. Существенный вклад в теорию мотива внесли работы таких исследователей, как Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, И. В. Силантьев. В частности, И. В. Силантьев определяет мотив как «эстетически значимую повествовательную единицу», «интертекстуальную в своем функционировании» [Силантьев, 2004, с. 96].

Согласно мнению В. Е. Хализева, мотивы могут выступать как «аспект отдельных произведений и их циклов, в качестве звена их построения» [Хализев, 1999, с. 173]. Под циклом в литературоведении понимается «объединение отдельных самостоятельных произведений», порождающее «новую художественную целостность» [Дарвин, 2000, с. 485].

Мотивы Родины, дороги, дома, утраты формируют структуру цикла «Деревянное солнце», обеспечивая идейно-тематическое единство произведения Н. Л. Ключаревой.

Одним из важнейших циклообразующих мотивов «Деревянного солнца» является мотив Родины. Цикл Н. Л. Ключаревой начинается с очерка «Безымянный». Полагаем, что интерпретировать это название можно по-разному: может быть, автор до последнего сомневается в том, как же всё-таки назовет произведение. Кроме того, чувство Роди-

ны – безымянное, его сложно определить, сложно найти название. Уже в этом очерке намечается многоплановость в ощущении Родины: «Безымянное чувство России, требующее постоянного отклика, каждую минуту нового и живого» [Ключарева, 2009, с. 5]. Но это «новое» и «живое» в то же время связано с чрезвычайно тяжелыми словами: «безотрадные образы», «торчит, как заноза», «щемящая заноза» [Ключарева, 2009, с. 5]. Речь идет о чувстве Родины как о необходимом и мучительном одновременно, о Родине, где безотрадность связана с надеждой. Мотивом Родины начинается и заканчивается цикл. В первом очерке автору сложно подобрать заголовок, описать, что такое «чувство Родины», поэтому и называется текст «Безымянный», а в последнем очерке заголовок появляется, причем называется очерк вполне ожидаемо – «Чувство Родины». Стоит обратить внимание, что в первом случае речь идет о чувстве России, а во втором – о чувстве Родины. И это для автора очень важно. Для нее Родина – это город-миллионник, место детства, родной двор, воздух. Этот образ складывается из множества художественных деталей, запахов, звуков, людей.

В «Деревянном солнце» большое, необъятное понятие «Россия» словно раскладывается на пазлы: Кострома, Ярославль, Рыбинск, Молога, Пермь, Нижний Новгород, Старая Русса, Санкт-Петербург (Питер), Йошкар-Ола, Новый Кур-

лак Воронежской области. Автор, пытаясь понять суть России, всматривается в каждый отдельный пазл, который сливается с другим, а тот – с третьим и т. д. Это слияние затем отражается в понятии «Родина». И вроде бы разложенная на пазлы, Россия, тем не менее, создает впечатление общей картины, в которой один пазл без другого не может существовать. Они могут воздействовать на читателей только вместе, подтверждая и усиливая друг друга. Анализируя очерки, входящие в цикл «Деревянное солнце», отмечаем, что, говоря о России, Н. Л. Ключарева чаще начинает с изображения места, а уже затем обращается к человеку.

В изображении пространства в цикле Н. Ключаревой одним из наиболее частых мотивов является мотив дороги. Так в очерке «Шамбала Кологривского уезда» мы видим этот мотив, реализованный в разных вариантах. С одной стороны, это дорога, которая как на ладони, «рукой подать, а тронешься в путь – и целый день едешь, недоумевая, откуда оно берется, это неуклонно нарастающее расстояние» [Ключарева, 2009, с. 10]. С другой стороны, это «бездорожное, безмерное пространство» [Ключарева, 2009, с. 10]. Несмотря на то, что Кострома представляется в очерке как бездорожное пространство, оно тем не менее предполагает постоянное движение. Полагаем, что дорога в «Деревянном солнце» демонстрирует иллюзорность связи

между пространствами. Важным образом, связанным с дорогой, в русской литературе, начиная с XIX века, стал вокзал, станция (вспоминается вокзал в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» – настоящий человеческий муравейник с его «движением приготовлений на станции, беганьем артельщиков, появлением жандармов и служащих и подъездом встречающих» (Кн. 1, ч. I. гл. XVII) [Толстой, 1997, с. 55] – и многочисленные вокзалы и станции из произведений А. П. Чехова, А. И. Куприна и других русских писателей, где вокзал – место встречи, надежды или расставания, трагедии персонажей – сопряжен с движением, кучей картонок и чемоданов, свистом поездов, радостными голосами встречающих и грустными провожающих). В «Деревянном солнце» вокзал также изображается достаточно часто. Но автовокзал в Костроме («Шамбала Кологривского уезда») – своеобразная ловушка, «неприметный капкан» на дороге, которая словно не начинается, а – напротив – завершается здесь, недаром мужичок «в резиновом плаще» напоминает, что некому теперь продавать червя или муху – «все в могилах», а растворимый кофе в буфете выглядит «словно снадобье, переносящее в другую складку мира» [Ключарева, 2009, с. 10]. Повидимому, переход в иную «складку мира» предполагает и несостоявшийся железнодорожный вокзал, рельсы которого легли в сотне ки-

лометров от Кологрива («Шамбала Кологривского уезда»), платформа, по которой поезда не ходят лет десять («День выборов»), безымянная платформа («Электричка с той стороны»), «автобус, в котором погашен свет, с невидимым водителем и пассажирами» («Русский дух») [Ключарева, 2009, с. 56].

Дорога в цикле Н.Л. Ключаревой – это не только пространственный, но и временной образ: она мыслится как связь между настоящим и будущим, прошлым и настоящим. На автовокзале в Костроме мы видим расписание «как «Повесть временных лет»: «Галич, Солигалич, Судиславль, Чухлома»» [Ключарева, 2009, с. 10], уводит в прошлое и Кологривский краеведческий музей («Шамбала Кологривского уезда»), напоминают о нем и газетные кулечки, на которых видно слово «Перестройка» («День выборов»).

В некоторых очерках цикла «Деревянное солнце» автор использует кинематографический прием, подобный тому, который используется в фильме «Любовь и голуби»: герой вышел в одном месте, а оказался в другом. Так в очерке «Мечтатели» «двое мальчишек из рязанского села Сапожок отправились покататься на велосипедах. Через два месяца их нашли в Праге» [Ключарева, 2009, с. 31], один ученик «поехал с одноклассниками в соседнее село, а попал в Севастополь» [Ключарева, 2009, с. 31]. В очерке «Энциклопедист Шустов» герой «успевает быть

езде»: «появится в небесах комета – с отрядом школьников он карабкается по перевалам в горную обсерваторию на Кавказе. Случится затмение – и Шустов с охапкой детей уже на Алтае» [Ключарева, 2009, с. 6]. Так дорога соединяет не только места, пространства, но и времена.

В произведениях цикла Н. Л. Ключаревой отмечаем интертекстуальные связи в изображении пространства и времени. Так, например, в очерке «Мечтатели» такой герой, как пенсионер Смирнов, идет дорогой героев древнерусских хождений («Пенсионер Смирнов из Йошкар-Олы дошел до Иерусалима»), напоминает героев сказок («сносил три пары кроссовок») и образ отца Федора из произведения «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова («пил воду из источников, ночевал под открытым небом, завернувшись в прорезиненный плащ. Деньги жена переводила по адресам на маршруте») [Ключарева, 2009, с. 31].

Хотя дороги в очерках Н. Ключаревой разные: грунтовые («Шамбала Кологривского уезда»), ухабистые, стылые уральские дороги («Чужое дежавю»), узкие перешейки земли посреди воды («Половодье в Поволжье») и т. п. – объединяет их то, что всегда они косые, уходящие в непроглядную мглу, кривые, не доходящие до того места, куда надо. Дорога не предполагает достижения какого-то места, конечной точки, а предполагает

движение, показана как ловушка, портал, иллюзия, так называемая дорога-обман, дорога в тартарары. Стоит выделить и характерные для нее аспекты: эта кривая и косая дорога связывает не только пространства, но и времена, носит мистический характер (поехал в соседнее село, а оказался в Севастополе), охватывает широкий культурный массив (сказки, хождения и т. п.).

Помимо мотива дороги, циклообразующим мотивом, тесно связанным с мотивом Родины, является мотив дома. В очерке «Космонавт Олег» писательница несколько раз подчеркивает особенность современных домов: дом – коробка. На вопрос журналистки: «С чем у Вас ассоциируется Родина?» – Олег ответил, что «с бетонными коробками, в которых мы все живем! С унылыми дворами без единого кустика, по которым я каждое утро волочу сонных близнецов в садик!» [Ключарева, 2009, с. 8], хотя журналистка ждала ответа традиционно сентиментального – с березами. С образом дома – бетонными коробками – мы также встречаемся в очерке «Мыльные пузыри в чебуречной». И хотя речь идет о разных городах России, оказывается, что дома везде одни и те же – бетонные коробки, которые подчеркивают отсутствие индивидуальности. Об этом говорится и в «В провинции у моря» где Старая Русса представляет собой «обнаженное убожество одинаковых жилищ» [Ключарева, 2009, с. 22]. В очерке «Мыльные

пузыри в чебуречной» образ дома связан с черными бараками, ржавыми гаражами, бетонными заборами. В очерке «Чужое дежавю» перед читателем предстают разрушенные строения, которые стали теперь музеем истории политических репрессий «Пермь-36».

Дом как забытая, вернее, заброшенная территория изображен в очерке «Деревянное солнце»: пустые деревни, завалившиеся домики, сгорбленные дома.

Заброшенность дома, а следовательно, и всей деревни, малой родины подчеркнута в очерке «Летопись, написанная детьми». В деревне рушится, уходит в прошлое все: и молочный комплекс, когда-то являвшийся воплощением не только благополучия и процветания, но и идеологии («...взгляд упал на развалины бывшего молочного комплекса. У нас в Курлаке его называли БАМ. Тоже была своего рода стройка века. А теперь – все заросло крапивой. Так пришла тема: «Новокурлакские руины социализма». Их у нас много, как везде» [Ключарева, 2009, с. 50]), разрушается школа, что свидетельствует, вероятно, об отсутствии будущего у этого места («А заколоченное здание бывшей школы так стремительно обветшало, что его, как печально шутит Николай Макаров, смело можно включать в исследование о руинах социализма» [Ключарева, 2009, с. 51]). Заброшенность и разруха ассоциируются в сознании людей с войной («Как по-

сле войны» [Ключарева, 2009, с. 50]), с уходом надежды.

В очерках Н. Л. Ключаревой нет счастливого дома, но необходимо отметить, что писательница изображает много заборов. Особое внимание заборам и надписям на них уделено в очерке «Заборное слово». В каждом городе можно найти место, где «любой желающий может высказать миру и городу все, что угодно»: и политические лозунги («РОССИЯ БЕЗ ПУТИ»), и этический протест («Ваши нравы не по мне!»), и философский афоризм («Не судите, да и не судимы будете»), и бытовое обещание («Красота внутри») [Ключарева, 2009, с. 40].

В очерках цикла «Деревянное солнце» мотивы дороги и дома пересекаются, например, в очерке «Русский Тихий», где города Золотого кольца России «были ужасны» [Ключарева, 2009, с. 58]. Грустное впечатление производит это «затхлое царство пивных и чебуречных. Под стенами древних кремлей». На протяжении всего цикла Наталья Ключарева старается показать городки и деревни России не покрытыми «непрозрачной пленкой культуры» музейными экспонатами, заставляющими сентиментально вздыхать о прошлом, а местами, которые сегодня не слишком пригодны для жизни («Убогое угасание жизни. Вымирание, запустение, скука, вялость, сон, бессмысленность») [Ключарева, 2009, с. 58]).

Читая очерки Н. Л. Ключаревой, понимаешь, что дом не крепость, не

место, куда в любом случае хочется вернуться – и это грустно, несмотря на то что писательница избегает нагнетания трагизма, придерживается принципа простоты.

Традиционный для русского национального сознания мотив утраты является циклообразующим в «Деревянном солнце». У Н. Л. Ключаревой он многопланов. Самая тяжелая утрата – это люди. Мы видим, как постепенно они уходят в прошлое. Показателен в этом плане очерк «Бесплатный концерт», где писательница изображает танцы в провинциальном городке, на которые собираются маленькие, нарядные старушки («Инночка! А Валя придет? Как умерла?») [Ключарева, 2009, с. 25]). Так незаметно уходит жизнь, но этот уход подруги старушки Вали не заметили не потому, что им все равно, а потому, что они не согласны с этим уходом. Интересный, на наш взгляд, прием использует автор: потерю человека, с одной стороны, она сопоставляет с осенней природой, засыпающей, умирающей («падают, кружась, кленовые вертолеты») [Ключарева, 2009, с. 25], с другой стороны, соотносит человеческую жизнь и все связанное с ней с природой-вечностью: «Пыльные листья не шелохнутся, будто и время остановилось. Только иногда выплывет из вечности трамвай, гроыхнет на повороте, и опять – ничего, никого» [Ключарева, 2009, с. 25].

Для героев очерка «Деревянное солнце» утрата, смерть – это при-

вычное дело, «как масляное пятно на обоях, как пыльный столетник, скучающий на окне» [Ключарева, 2009, с. 29].

Мотив потери, утраты людей связан с мотивом запустения деревень. Уходит спокойная, мирная, народная Россия: «Грустные прогулки по пустым деревням. <...> кажется, что эти завалившиеся домики, в которых когда-то была жизнь, тоже тают, съеживаются, и скоро их попросту размочит и унесет вниз под гору мутным ручьём» [Ключарева, 2009, с. 29]. Вместе с деревнями утрачивается, уходит ремесло («Нет мастеров. Все уже отправились. <...> И рукоделие с собой унесли. А кому оставлять-то? Дома как один пустые» [Ключарева, 2009, с. 29]). А ведь это память о семье, роде, народе. Остались только «полусгнившие наличники», «лебеди на кособокой калитке», «резной петушок».

В ряде очерков цикла автор говорит об общенациональных, общенародных потерях, которые старались забыть в нулевых, особо о них не упоминать. Одной из таких утрат является Молога – город в Ярославской области (очерк «Подводный уезд»). Этот город, находившийся в 120 километрах от Ярославля, был полностью затоплен, и на месте когда-то плодородных земель образовалось Рыбинское водохранилище. Трагедию города Н. Ключарева передает разными способами: во-первых, создаются фонетические и смысло-

вые ассоциации: «Молога» – это морока – обморок – опрокинутый в омут город – обитель рыбы и мутной воды [Ключарева, 2009, с. 28]. Название с его повторяющимися гласными «О» напоминает плач, стон. Во-вторых, писательница подчеркивает, что жителей Мологи их соседи называют «утопленниками» (живых людей уже потеряли, утратили).

Н. Л. Ключарева трагедию Мологи соотносит с трагедией репрессированного народа, который, несмотря ни на что, выживает. В небольшом очерке репрессированный народ представлен образом попа: «А в бедной береговой церкви служит блаженный поп... В мордовских лагерях его, босого, привязали к дереву, и снег под ним (в крещенские морозы) растаял за ночь до земли. С тех пор он в любую погоду ходит без сапог. И когда его спрашивают, можно ли в пост яйца или молоко, смеется: «Ешьте, робяты, всё ешьте, токо людей не ешьте!» [Ключарева, 2009, с. 28].

Соединение времен и соединение трагедий – характерная черта очерка «Подводный уезд». Город постоянно о себе напоминает. Как поп не умер в мордовских лагерях, так и город не умер окончательно: «Если в безветренную погоду подплыть к тому месту, где раньше была Молога, то сквозь мутную воду проступают очертания улиц, каменные фундаменты, мостовые и даже фонарные столбы» [Ключарева, 2009, с. 6].

Последний абзац, на наш взгляд, выражает точку зрения автора: утрата была бессмысленной, потому что Рыбинское водохранилище само собой уходит, утрачивается («Рыбинское водохранилище мелет»), то есть творение человеческих рук не смогло победить время, остаться в вечности, в отличие от города, который все чаще стал напоминать о себе.

Н. Л. Ключарева показывает, как эти уходящие люди, вещи, объекты «цепляются» за жизнь, хотят остаться, продолжить жить, существовать. «В местах, откуда ушло все живое, вещи приобретают пронзительную и страшную одушевленность» [Ключарева, 2009, с. 6]. Например, в очерке «Деревянное солнце» это большой плюшевый лев, который смотрит на дорогу живыми глазами или «белая колокольня мологской обители», которая «поднимается над морем, оглядывая творение рук человеческих зияющим черным взглядом» («Подводный уезд»).

Мы видим, что у Н. Л. Ключаревой мотив утраты связан с расточительством, о котором упоминается в очерке «Серафима Никитина». Кажется, что конца этим потерям нет, но это первое впечатление. Особого внимания в цикле Н. Л. Ключаревой заслуживают герои – хранители глубинного, традиционного духа. В очерке «Летопись, написанная детьми» такими героями выступают школьники из села Новый Курлак Воронежской области. Они вместе с

учителем истории занимаются краеведческими изысканиями, пытаются сохранить память о прошлом. В их музее «пыльные лапти с тусклыми самоварами, в которых посторонний равнодушный взгляд не увидит ничего примечательного, оживают, обрастая маленькими и неповторимыми человеческими историями» [Ключарева, 2009, с. 51]. И за каждой вещью скрывается человеческая жизнь.

Героём-хранителем является и Серафима Никитина из одноименного очерка. Именно она, по словам автора, «принадлежит к редкому русскому типу собирателей», который «пронзительно важен и трагичен, наверное, только у нас в России, где расточителей не в пример больше, и память о прошлом из нормального свойства, присущего каждому человеку, превращается в редкую доблесть отчаянных одиночек» [Ключарева, 2009, с. 52]. Героиня – ученый-фольклорист, она ездит по деревням, собирает старинные песни.

В очерке «Мечтатели» учитель Красильников каждую неделю ездил на велосипеде за 40 км только для того, чтобы обновлять русскоязычный сайт о муравьях. Учитель рисования Семенов строил Дворец Искусств для сельских школьников на собственные деньги. Т. Г. Курсина бережет память о политических заключенных из лагеря «Пермь-36».

Хранить можно не только вещи или память об этих вещах, но и человеческую жизнь, вернее, бере-

гать, защищать ее. Именно этим занимается отец Борис в очерке «Богатырь и детские колокольчики». Он сам построил Свято-Лазаревский монастырь, обустроил конюшни. Именно здесь отец Борис возвращает в жизнь трудных подростков: «не постом и молитвой, а джигитовкой и вольтижировкой» [Ключарева, 2009, с. 20].

Итак, Н. Л. Ключарева понимает, что в России нулевых, несмотря на потери, есть люди, осознающие необходимость соблюдать и сохранять традиции.

Полагаем, что в цикле «Деревянное солнце» особую роль играют интертекстуальные связи. Мы уже упоминали «Повесть временных лет» (в связи с очерком «Шамбала Кологривского уезда»). Связь с «Повестью временных лет» мы обнаруживаем и в одном из последних произведений сборника – «Ниоткуда в тартарары». Завершается очерк вопросом: «Откуда есть пошла?». Вопрос, заданный в произведении XII века, дополняется в

очерке Н. Л. Ключаревой вопросом из поэмы Н.В. Гоголя «Куда мчишься?». И если в «Повести...» сказано, что «пошла» от апостолов, показывая мощный фундамент русской государственности, путь героический, широкий, то в цикле «Деревянное солнце» эта связь потерялась: «Ниоткуда, – отвечает. – В тартарары» [Ключарева, 2009, с. 52]. В этом же эссе мы находим отсылку к известному стихотворению Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять», но строчки приобретают трагические ноты: «Зачем? Почему? В чем корень наших нетей? Даже не пытайся, уברי аршин. Не понять умом, да-да. Только слово «стать» тут исключительно для рифмы поставлено. У нас не стать, а гать, тухлое болотце с лишайничком...» [Ключарева, 2009, с. 57].

Таким образом, циклообразующим началом в «Деревянном солнце» Н. Л. Ключаревой являются мотивы Родины, дороги, дома, утраты, несущие важное содержательное и конструктивное начало.

Библиографический список

1. Близняк О. М. Мотивные комплексы как системная характеристика современной русской литературы: на материале творчества А. Барковой, О. Фокиной, Н. Ключаревой. Краснодар, 2011. 24 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Москва : Высшая школа, 1989. 408 с.
3. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Москва : Наука, 1994. 304 с.
4. Дарвин М. Н. Цикл // Введение в литературоведение. Москва : Высшая школа, 2000. С. 329-339.
5. Клабукова Ю. В. Аутичность и коммуникативность как ментальные модели и приемы построения пространства в повести Н. Ключаревой «Деревня дураков» // Вестник ВятГУ. 2015. № 4. С. 96-101.
6. Ключарёва Н. Л. Деревянное солнце. «ЛитРес: Самиздат», 2009. 61 с.

7. Лассан Э. Дорога без конца как русская национальная идея // Русистика и компаративистика: Сб. науч. ст. Москва : МГПУ, 2008. Вып. 3. С. 211–223.
8. Лихина Н. Е. Антиномичность как сюжетно-композиционный принцип повести Н. Ключаревой «Деревня дураков» // Филологический аспект. 2019. № 8 (52). С. 97–108.
9. Ляпина Л. Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 1990. №1. С. 22–30.
10. Ляпина Л. Е. Литературная циклизация: (К истории изучения) // Русская литература. 1998. №1. С. 170–177.
11. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В. Я. Проппа. Москва : [Наука], 1975. С. 141–155.
12. Силантьев И. В. Мотив в системе художественного повествования. Проблемы теории и анализ. Новосибирск, 2001. 236 с.
13. Силантьев И. В. Поэтика мотива. Москва : Языки славянской культуры. 2004, 296 с.
14. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Научное издание. Новосибирск : Издательство ИДМИ, 1999. 104 с.
15. Тамарченко Н. Д. Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему) // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1988. С. 38–48.
16. Толстой Л. Н. Анна Каренина // Собр. соч. в XX т. Т. 8. Москва : Терра, 1997.
17. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Москва : Аспект Пресс, 1996. 334 с.
18. Тюпа В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс. 1996. № 2. С. 52–54.
19. Фрейденберг О. М. Система литературного сюжета // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. Москва : Наука, 1988. С. 216–237.
20. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва : Высшая школа, 1999. 404 с.

Reference list

1. Bliznjak O. M. Motivnye komplekсы как sistemnaja harakteristika sovremennoj russkoj literatury: na materiale tvorčestva A. Barkovoj, O. Fokinoj, N. Ključarevoj = Motive complexes as a system characteristics of modern Russian literature: based on the works of A. Barkova, O. Fokina, and N. Klyuchareva. Krasnodar, 2011. 24 s.
2. Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika = Historical poetics. Moskva : Vysshaja shkola, 1989. 408 s.
3. Gasparov B. M. Literaturnye lejtmotivy = Literary leitmotifs. Moskva : Nauka, 1994. 304 s.
4. Darvin M. N. Cikl = Cycle // Vvedenie v literaturovedenie. Moskva : Vysshaja shkola, 2000. S. 329–339.

5. Klabukova Ju. V. Autichnost' i kommunikativnost' kak mental'nye modeli i priemy postroenija prostranstva v povesti N. Kljucharevoj "Derevnja durakov" = Autism and communicativeness as mental models and methods of constructing space in N. Klyuchareva's story "The Village of Fools" // Vestnik VjatGU. 2015. № 4. S. 96-101.
6. Kljucharjova N. L. Derevjannoe solnce = Wooden sun. «LitRes: Samizdat», 2009. 61 s.
7. Lassan Je. Doroga bez konca kak russkaja nacional'naja ideja = The road without end as a Russian national idea // Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. st. Moskva : MGPU, 2008. Vyp. 3. S. 211–223.
8. Lihina N. E. Antinomichnost' kak sjuzhetno-kompozicionnyj princip povesti N. Kljucharevoj "Derevnja durakov" = Antinomianism as a plot-compositional principle of N. Klyuchareva's story "The Village of Fools" // Filologicheskij aspekt. 2019. № 8 (52). S. 97–108.
9. Ljapina L. E. Zhanrovaja specifika literaturnogo cikla kak problema istoricheskoj pojetiki = Genre specificity of a literary cycle as a problem of historical poetics // Problemy istoricheskoj pojetiki. 1990. №1. S. 22–30.
10. Ljapina L. E. Literaturnaja ciklizacija: (K istorii izuchenija) = Literary cyclization: (On the history of the studies) // Russkaja literatura. 1998. №1. S. 170–177.
11. Putilov B. N. Motiv kak sjuzhetoobrazujushhij jelement = Motive as a storytelling element // Tipologicheskie issledovanija po fol'kloru. Sbornik statej v pamjat' V. Ja. Proppa. Moskva : [Nauka], 1975. S. 141–155.
12. Silant'ev I. V. Motiv v sisteme hudozhestvennogo povestvovanija. Problemy teorii i analiz. = Motive in the system of literary narrative. Theory and analysis problems. Novosibirsk, 2001. 236 s.
13. Silant'ev I. V. Pojetika motiva. = Motif poetics. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2004, 296 s.
14. Silant'ev I. V. Teorija motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii.= The motif theory in Russian literary criticism and folklore studies: an essay on historiography. Novosibirsk : Izdatel'stvo IDMI, 1999. 104 s.
15. Tamarchenko N. D. Motiv prestuplenija i nakazanija v russkoj literature (vvedenie v problemu) = The motive of crime and punishment in Russian literature (introduction to the problem) // Materialy k slovarju sjuzhetov i motivov russkoj literatury: Sjuzhet i motiv v kontekste tradicii. Novosibirsk, 1988. S. 38–48.
16. Tolstoj L. N. Anna Karenina = Anna Karenina // Sobr. soch. v XX t. T. 8. Moskva : Terra, 1997.
17. Tomashevskij B. V. Teorija literatury. Pojetika. = Theory of literature. Poetics. Moskva : Aspekt Press, 1996. 334 s.
18. Tjupa V. I. Tezisy k proektu slovarja motivov = Theses for the dictionary of motives draft // Diskurs. 1996. № 2. S. 52-54.

19. Frejdenberg O. M. Sistema literaturnogo sjuzheta = Literary plot system // Montazh: Literatura. Iskusstvo. Teatr. Kino. Moskva : Nauka, 1988. S. 216–237.
20. Halizev V. E. Teorija literatury = Literary theory. Moskva : Vysshaja shkola, 1999. 404 s.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 27.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 05.03.2022; approved after reviewing 27.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022